

ABAKUMOVA Ekaterina Aleksandrovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Senior Lecturer at the Chair of Russian History, Kursk State University (33 Radishcheva St, Kursk, Russia, 305000; abakumova64@yandex.ru)

DYNAMICS OF THE NUMBER OF THE PETTY BOURGEOIS CLASS IN THE CITIES OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The process of modernization in Russia not only caused a quantitative movement of the urban population, but also led to significant changes in the class structure of urban centers. The article examines the number of the middle-class in the cities of the Central Chernozem Region in the second half of the 19th century. Using statistical data, the author compares how the number of the petty bourgeois class changed from 1861 to 1897 in the Voronezh, Kursk, Orel, Tambov provinces. The result of the study allows us to conclude that the burghers were still the most numerous estate after the peasants.

Keywords: middle-class, petty bourgeois class, cities of the Central Chernozem Region, population, number, dynamics

---

УДК 94(47), 081

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета (664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; ottisk@irmail.ru)

КУРАС Софья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоохранения Иркутского государственного университета путей сообщения (664074, Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15; kuras@list.ru)

КУРАС Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета (664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10; tanya_kuras@mail.ru)

ПОРЯДОК СОДЕРЖАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

Аннотация. В статье исследуется порядок содержания политических преступников в одной из самых известных дореволюционных тюрем страны – Александровской центральной каторжной тюрьме. Анализ источников позволяет констатировать, что ссыльные по политическим статьям имели привилегии, облегчавшие их режим по сравнению с осужденными по уголовным статьям. При этом имели место и свои более строгие и иногда жесткие меры, влиявшие на порядок их содержания в тюрьме.

Ключевые слова: тюрьма, преступник, каторга, ссылка

Александровская центральная каторжная тюрьма в отечественной историографии больше известна как место наказания не уголовных преступников, а политических противников самодержавного государства. О пребывании в ее стенах нескольких тысяч революционеров написаны десятки научных статей, изданы сотни воспоминаний участников тех событий. Собственно, осужденным и заключенным здесь революционерам посвящена и единственная монография, принадлежащая профессору Ф.А. Кудрявцеву

[Кудрявцев 1936]. Такое повышенное внимание к «политикам» объясняется, с одной стороны, интересами советской идеологии, поощрявшей изучение истории пребывания «в заточении» десятков «видных ленинцев», «несгибаемых борцов» и «коноводов революции», «в тяжелейших условиях сурового каторжного режима сохранявших верность делу освобождения народа», с другой — известной закрытостью изучения уголовной преступности в царской России в эпоху СССР, когда исследованием истории пенитенциарной системы империи занимался узкий круг отечественных правоведов и тюрьмоведов [Мулукаев 1964]. Однако, несмотря на кажущуюся изученность истории политической каторги в Александровской центральной тюрьме, есть в этой теме и масса неисследованных сюжетов и целых страниц.

В Александровской центральной каторжной и пересыльной тюрьмах содержались политические ссыльные трех категорий: ссыльнокаторжные, отбывавшие здесь срочное наказание; пересылаемые ссыльнопоселенцы, назначенные судом в пределы Иркутской губернии, в Якутскую и Забайкальскую области, а также высылаемые в административном порядке в Восточную Сибирь сроком от 1 года до 10 лет. Если для каторжан пребывание в центре было постоянным в течение определенного судом срока, то для поселенцев и административных жизнь в «пересылке» была делом временным, занимавшим несколько месяцев. Если первые содержались преимущественно в главном кирпичном корпусе тюремного замка, то вторые и третьи размещались в деревянных бараках, практически не имевших отдельных камер.

Все категории ссыльных «политиков» пользовались в тюрьме рядом привилегий, которые предоставлялись им законом или были отвоеваны у служащих тюремного ведомства в результате многолетней и упорной борьбы. «Послабления» режима начинались уже в период этапирования. Такие ссыльные следовали по Московско-Сибирскому тракту преимущественно отдельно от уголовных, не пешком, а на подводах, на крестьянских же телегах им разрешалось везти свои вещи. Вес принадлежащего «политику» багажа был больше, чем у уголовного, но не должен был превышать 30 фунтов для высылаемых в Сибирь по судебным приговорам и 5 пудов для отправляемых в административном порядке. Политические арестанты могли везти с собой даже подушки, однако их размер не мог «превышать 10 вершков по длине и ширине» (44,5 см)¹.

В 1890-е гг. при движении по железной дороге при наличии возможности политические ссыльные помещались в обособленной части железнодорожного вагона, а при ночлеге на этапе имели отдельное помещение для себя и членов своих семей. В пути они могли также улучшать свою пищу, расходуя на это собственные денежные средства. С разрешения начальника Главного тюремного управления таким ссыльным еще в дороге по их просьбе могли даже предоставляться свидания с ближайшими родственниками. Инструкция гласила, что такие свидания «могут быть даваемы, однако, не иначе как в местах более продолжительных остановок партий и под личным наблюдением Начальника партии, или особо назначенных им наиболее благонадежных конвоиров»².

Согласно Правилам о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов, утвержденным 16 ноября 1904 г. циркуляром министра юстиции статс-секретаря Муравьева, политические ссыльные, в т.ч. и в Александровском центре, состояли в прямом и полном подчинении смо-

¹ *Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг.* Ч. 1. 1879–1895. № 23, 36, 1147.

² Там же. № 9.

трителя и действующих под его руководством чинов тюремной администрации. При этом, согласно статье второй, общее руководство распоряжениями по содержанию политических арестантов в местах заключения гражданского ведомства принадлежало местному губернатору. Смотрителю же вменялось в обязанность своевременно предупреждать всякие попытки к нарушениям тюремного порядка и наблюдать, чтобы тюремный священник, врач и чины местной тюремной администрации посещали, по возможности часто, политических арестантов, содержащихся в одиночном заключении¹.

Статья девятая циркуляра четко обозначила и роль жандармского ведомства в наблюдении за политическими арестантами. Жандармские унтер-офицеры могли назначаться для надзора за политическими арестантами «лишь при недостатке тюремных надзирателей и не иначе, как с разрешения губернатора», который о каждом отдельном случае уведомлял Главное тюремное управление. Командированные с этой целью жандармские унтер-офицеры пользовались по отношению к арестантам правами тюремных надзирателей и состояли в ведении и подчинении смотрителя тюрьмы. При этом обыски у политических арестантов в занимаемых ими камерах могли производиться в присутствии начальника места заключения или одного из его помощников.

Политические каторжане, ссыльнопоселенцы и административно ссыльные имели право носить собственную одежду, белье, обувь и пользоваться своими постельными принадлежностями. При этом в личном распоряжении политического арестанта мог находиться лишь один комплект собственной одежды, белья, обуви и постели, прочие вещи должны были храниться в тюремном цейхгаузе и выдаваться по мере надобности. Статья 20 разрешала «политикам», принадлежавшим к привилегированным сословиям, иметь «особую пищу» за счет хранящихся в тюремной конторе собственных их средств. В случае неимения последних им отпускались кормовые деньги из казны. Независимо от получения особой пищи политические арестанты могли в определенные дни, но не более одного раза в неделю, приобретать за счет хранящихся в тюремной конторе собственных денег съестные припасы, не требовавшие особых приспособлений для хранения, а также предметы, дозволенные в тюрьме (чайники, ложки, мыло, гребенки, щетки, бумага и т.п.).

Таким образом, мы видим, что закон предусматривал весьма значительные льготы для политических. Более того, циркуляр 1904 г. даже разрешал им «курение табаку», правда, с утверждения губернатора и только тем арестантам, «в состоянии здоровья которых, по заключению тюремного врача, должно вредно отражаться прекращение курения».

Статьи 26 и 27 крайне важны для нашего исследования, т.к. определяли в значительной мере весь режим содержания. Первая гласила: «На хозяйственные работы по тюрьме политические арестанты не назначаются, но они обязаны сами поддерживать чистоту и порядок в занимаемых ими камерах и убирать постель». Вторая: «Политическим арестантам предоставляется, по желанию и с разрешения начальника мест заключения, заниматься в своих камерах или в особо отведенных для этого помещениях письменными работами и ремесленным трудом. Решение вопроса о возможности предоставления арестанту необходимых для работ материалов и инструментов зависит от начальника места заключения». Иными словами, труд «политика» в тюрьме — дело сугубо добровольное, а его безделье здесь охранялось законодательно.

---

¹ Приложение к циркуляру 18 ноября 1904 г. № 23. — *Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг.* Ч. 1. 1879–1895 гг.

Политическому арестанту, имевшему разрешение смотрителя на письменные занятия, выдавалась приобретаемая на его средства тетрадь. Она пронумеровывалась, прошнуровывалась и скреплялась казенной печатью, при этом просматривалась «по возможности чаще чинами тюремной администрации».

Согласно статье 32-й, вся личная переписка политических арестантов направлялась смотрителем на предварительное рассмотрение лицу прокурорского надзора. Туда же отправлялись все письменные ходатайства и заявления. Политическим арестантам позволялось чтение книг и журналов (ст. 36), как выдаваемых в тюремной библиотеке, так и приобретаемых ими на собственные средства или доставляемых им извне. При этом для чтения разрешались все книги и издания, за исключением запрещенных к обращению в публичных библиотеках, а также номеров газет и журналов, вышедших в течение последних 12 месяцев. Каждый политический арестант мог иметь в своем распоряжении одновременно не более трех книг и трех справочных пособий (географические карты, лексиконы, таблицы и пр.).

Статья 43-я разрешала свидания политических арестантов с ближайшими родственниками, но «не более 2 раз в неделю, в дни и часы, определенные начальником места заключения на общем основании». При этом, что вполне закономерно, «приношения пищи в готовом виде или в продуктах для передачи политическим арестантам» не позволялись, за исключением чая и сахара. А принесенные деньги и другие дозволенные предметы принимались в тюремной конторе не более двух раз в неделю в определенные дни и часы и подвергались тщательному осмотру чинами тюремной администрации. Передача между собой денег и вещей политическими арестантами воспрещалась¹.

Как видим, тюремный режим для политических ссыльных был скорее лояльным и мягким, чем суровым, и уж никак не «каторжным». Тем не менее политические заключенные всегда его нарушали и широко пользовались незаконными льготами. Их камеры превращались в настоящие автономные коммуны с выборным руководящим коллективом, где имелись нелегальные книги, издавались рукописные журналы, проводились дискуссии по проблемам революционного движения, была налажена постоянная связь с «волей». Быт таких ссыльных был вполне сносным, а свободное от прогулок время можно было расходовать для самообразования. Санитарной очисткой камер политических, несмотря на требования циркуляра, повсеместно занимались уголовные каторжане. Вместе с тем надо понимать, что такое льготное содержание революционеров было результатом упорного противостояния администрации, бескомпромиссной борьбы за свои права и человеческое достоинство.

При этом, несмотря на либеральный режим, отсутствие принудительного труда, нужно все-таки понимать, что тюремное заключение всегда было суровым наказанием для революционера. Безделье переносилось с большим трудом, однако самым страшным испытанием была невозможность уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения уже хорошо известных тем. В этой ситуации в первую очередь страдала психика человека, его душевное равновесие. Неслучайно среди политических каторжан было так много больных и нервных людей. В такой атмосфере любая попытка ограничить права встречала резкий болезненный протест, а крайняя мера – самоубийство – уже не казалась революционерам проявлением слабости духа.

Важнейшим источником изучения особенностей содержания политических преступников являются материалы Государственного архива Иркутской обла-

¹ Там же.

сти. Именно в его фондах содержатся ценные сведения, касающиеся специфики отбывания ими наказания [Иванов, Курас, Курас 2022: 214].

Начальник конвойной команды, доставившей политических в Александровский централ, сдавал в канцелярию тюрьмы статейные списки, заполненные отдельно на каждого каторжанина. В этом своеобразном «паспорте ссыльного» содержались основные и особые приметы арестанта — откуда он прибыл, каким судом осужден и на какой срок и т.д. В нашем распоряжении имеется дело на М.А. Трилиссера, а в нем — статейный список на будущего руководителя внешней разведки ГПУ СССР, расстрелянного в 1940 г. Статейный список № 159 был заведен Санкт-Петербургским губернским правлением 16 октября 1909 г. на Меера Абрамовича Трилиссера (в документе — обязательно в именительном падеже), каторжного, следующего «без женщ. и детей старше/моложе 10 л.». В графе «Куда назначен для отбытия наказания» записано: «По распоряжению Глав. Тюр. Упр. от 25 февраля 1911 г. за № 6171 в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму». Далее шли графы «Следует ли в оковах или без оков» — «В ножных кандалах». «Может ли следовать пешком — может».

Затем статейный список содержал приметы каторжанина — рост, цвет глаз и волос, далее имелась графа «Племя», содержащая надпись «еврей»; из мещан города Белой Церкви Киевской губернии; преподавал частные уроки и сотрудничал в газетах; мастерства не знает; природный язык русский; холост; 6 классов гимназии; вероисповедание иудейское. Осужден Петербургским Военно-окружным судом 11 сентября 1909 г. В графе «К какому наказанию приговорен» написано: «к каторге на пять /5/ лет, со всеми законными последствиями сего наказания». При этом Трилиссер признан виновным в участии «в преступном сообществе, составившемся для учинения насильственного посягательства на изменение в России установленного законами основными образа правления». В деле имеются также две справки. Одна — приложение к статейному списку, в которой сказано: «По журналу Присутствия Петроградского губернского правления арестант Меер Трилиссер за окончанием 13 сентября 1914 года полного срока каторжных работ перечислен с означенного числа в разряд ссыльнопоселенцев». Другая — донесение Малышевского волостного правления о том, что Трилиссер прибыл «15 сего ноября» и в «алфавите правления записан под № 95». Таким образом, М.А. Трилиссер был в Александровском центре в качестве пересыльного арестанта непродолжительное время, а затем «убыл» в составе очередного этапа в Малышевскую волость Балаганского уезда Иркутской губернии¹.

Несмотря на «льготное» содержание политических, вся их переписка, как, впрочем, и уголовных арестантов, подлежала контролю и просмотру. Только корреспонденция уголовных, по всей видимости, просматривалась администрацией централа, а политических отсылалась для исследования в Иркутское губернское жандармское управление или Иркутский окружной суд. Об этом говорят и многочисленные архивные документы. Так, начальник Александровской пересыльной тюрьмы отправлял поступившие письма для политических арестантов и неизменно сопровождал посылки подобными уведомлениями: «При сем представляю на распоряжение 36 писем, полученных с почты на имя политических арестантов Евсея Алексеева, Иосифа Хоммер, Артемия Худолея» и т.д.² После проверки письма поступали назад в тюрьму, опять же с надлежащим отношением. Можно с уверенностью сказать, что

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 34. Оп. Оц. Д. 101. Л. 1-6.

² ГАИО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 37. Л. 239.

контроль за перепиской политических каторжан был налажен надлежащим образом.

Нередко письма политических арестантов задерживались на проверке слишком долго, что вызывало с их стороны заслуженное недовольство. Вот, к примеру, письмо В.Д. Гурари-Бучульской иркутскому полицеймейстеру: «С момента моего ареста вся корреспонденция, адресованная мне, на мое имя, должна быть поступаема в жандармское управление, откуда все, что по делу находится возможным, мне точно и аккуратно доставляется, а между тем со своего ареста я не получала ни одного письма ни от дочери своей из Петербурга, ни от матери своей из Франции, а письма эти несомненно были мне посланы. Куда деваются они? Я просила бы господина полицеймейстера справиться об этом в своей канцелярии и доставить их в жандармское управление ... апреля 25 дня 1902 г.»¹.

Обнаруженные в переписке сведения «запрещенного характера» существенно влияли на судьбу арестантов, как правило, увеличивая срок их тюремного заключения. Вот, к примеру, письмо смотрителя Тобольского тюремного отделения от 3 января 1911 г. тобольскому губернатору: «Смотритель Тобольской каторжной тюрьмы рапортом от 13 декабря просит о продолжении срока пребывания в отряде испытуемых ссыльнокаторжным Александрю Сергееву Краснову и Аркадию Антонову Краковецкому, у которых при обыске были найдены письма, в которых они описывают существующие в тюрьме порядки в извращенном виде, причем Краснов и Краковецкий сознались, что письма эти они предполагали отправить нелегальным путем для оглашения в печати. Тюремный инспектор Гриневский полагал бы увеличить срок пребывания в отряде испытуемых обоим на 6 месяцев». На это письмо губернатор наложил соответствующую резолюцию: «Согласен». Следует добавить, что и в Александровском центре А.А. Краковецкий столь же активно противодействовал тюремной администрации, как и в Тобольске².

Хорошо поставленный контроль за корреспонденцией каторжан и ссыльных позволял предотвратить не только нарушения тюремного режима, но и планируемые побег и даже готовившиеся террористические акты. Именно перлюстрация позволила раскрыть готовившееся покушение на жизнь начальника Александровской пересыльной тюрьмы Чусова в 1908 г. Иркутское губернское жандармское управление располагало сведениями, что еще в 1907 г. за установление строгого режима внутреннего содержания Чусова должны были убить, причем «ненависть арестантов» распространялась также на смотрителя Центральной каторжной тюрьмы Панчина, доктора Гольшуха и старших надзирателей Медведева и Токарева. Из перехваченной переписки ссыльнопоселенцев следовало, что главным исполнителем задуманного должен был быть бывший ссыльнокаторжный, освобожденный ранее из пересыльной тюрьмы и поселенный в Идинской волости Балаганского уезда Филипп Ионов. Ионов ждал к себе «товарищей из Верхнеудинска» и для осуществления теракта планировал найти сообщников среди арестантов вольной команды³.

Таким образом, порядок содержания осужденных по политическим статьям преступников имел и на законодательном, и на организационном уровне свои особенности. В отдельных случаях это были послабления режима содержания, распорядка дня и досуга. В других вопросах их положение в центре

¹ ГАИО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 37. Л. 241.

² ГАИО. Ф. 226. Оп. Оц. Д. 24. Л. 2.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 256. Л. 26.

было более жестким. К примеру, это касалось корреспонденции «политиков», она более тщательно и долго проверялась не тюремной администрацией, а Иркутским губернским жандармским управлением или Иркутским окружным судом. Поэтому дальнейшее изучение темы Александровского каторжного централя сможет раскрыть еще немало новых граней истории этих мест и самих осужденных.

Список литературы

Иванов А.А., Курас Т.Л., Курас С.Л. 2022. История судебных и иных правоохранительных органов в дореволюционный период: путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области как источник изучения. — *Власть*. № 1. С. 214-219.

Кудрявцев Ф.А. 1936. *Александровский централ (Из истории сибирской каторги)*. Иркутск: Восточно-Сибирское краевое издательство. 97 с.

Мулукаев Р.С. 1964. *Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России*. М.: Высшая школа МООП РСФСР. 28 с.

IVANOV Aleksandr Aleksandrovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of Russian History, Irkutsk State University (1 Karla Marksa St, Irkutsk, Russia, 664003; ottisk@irmail.ru)

KURAS Sofya Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Customs Affairs and Jurisprudence, Irkutsk State Transport University (15 Chernyshevskogo St, Irkutsk, Russia, 664074; kuras@list.ru)

KURAS Tatyana Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Justice, Law Institute, Irkutsk State University (10 Ulan-Batorskaya St, Irkutsk, Russia, 664082; tanya_kuras@mail.ru)

THE PROCEDURE OF DETENTION OF POLITICAL CRIMINALS IN THE ALEXANDER CENTRAL CONVICT PRISON

Abstract. The article examines the procedure of detention of political criminals in one of the most famous pre-revolutionary prisons in the country – the Alexander Central Convict Prison. An analysis of the sources allows us to state that those exiled under political charges had privileges that made their regime easier compared to those convicted under criminal charges. At the same time, there were also more stringent and sometimes harsh measures that influenced the order of their detention in the prison.

Keywords: prison, criminal, penal servitude, exile